
ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

Музыкально-психографическая драма.

текст и музыка

Владимир Иванович
Ребиков

Первое исполнение: 22 января 1995, Москва.

Cara lettrice, caro lettore, il sito internet **www.librettidopera.it** è dedicato ai libretti d'opera in lingua italiana. Non c'è un intento filologico, troppo complesso per essere trattato con le mie risorse: vi è invece un intento divulgativo, la volontà di far conoscere i vari aspetti di una parte della nostra cultura.

Motivazioni per scrivere note di ringraziamento non mancano. Contributi e suggerimenti sono giunti da ogni dove, vien da dire «*dagli Appennini alle Ande*». Tutto questo aiuto mi ha dato e mi sta dando entusiasmo per continuare a migliorare e ampliare gli orizzonti di quest'impresa. Ringrazio quindi: chi mi ha dato consigli su grafica e impostazione del sito, chi ha svolto le operazioni di aggiornamento sul portale, tutti coloro che mettono a disposizione testi e materiali che riguardano la lirica, chi ha donato tempo, chi mi ha prestato hardware, chi mette a disposizione software di qualità a prezzi più che contenuti.

Infine ringrazio la mia famiglia, per il tempo rubatole e dedicato a questa attività.

I titoli vengono scelti in base a una serie di criteri: disponibilità del materiale, data della prima rappresentazione, autori di testi e musiche, importanza del testo nella storia della lirica, difficoltà di reperimento.

A questo punto viene ampliata la varietà del materiale, e la sua affidabilità, tramite acquisti, ricerche in biblioteca, su internet, donazione di materiali da parte di appassionati. Il materiale raccolto viene analizzato e messo a confronto: viene eseguita una trascrizione in formato elettronico.

Quindi viene eseguita una revisione del testo tramite rilettura, e con un sistema automatico di rilevazione sia delle anomalie strutturali, sia della validità dei lemmi.

Vengono integrati se disponibili i numeri musicali, e individuati i brani più significativi secondo la critica.

Viene quindi eseguita una conversione in formato stampabile, che state leggendo.

Grazie ancora.

Dario Zanotti

Libretto n. 120, prima stesura per **www.librettidopera.it**: marzo 2020.

Ultimo aggiornamento: 10/05/2020.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАРФА ТИМОФЕЕВНА ПЕСТОВА	КОНТРАЛЬТО
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА КАЛИТИНА	МЕЦЦО-СОПРАНО
ЛИЗА, её дочь	СОПРАНО
ЛЕНОЧКА, её дочь	СОПРАНО
КАЛИТИН, её сын	ТЕНОР
Фёдор Иванович Лаврецкий	БАРИТОН
ВАРВАРА ПАВЛОВНА Лаврецкая, его жена	СОПРАНО
Христофор Фёдорович ЛЕММ	БАС
Владимир Николаевич Паншин	ТЕНОР
Сергей Петрович Гедеоновский	БАС
ШУРА	ДРУГОЙ
КАТЯ	ДРУГОЙ
ПЕТЯ	ДРУГОЙ
ЛАКЕЙ	ДРУГОЙ

Действие происходит в 1842 году в Орловской губернии.

От автора. Указания для исполнителей.

Лиза.

Стройная, высокая, черноволосая девушка лет 19. Очень мила, сама того не зная. Лёгкая походка. В каждом её движении высказывается несколько неловкая грация. Голос её звучал серебром нетронутой юности; малейшее ощущение удовольствия вызывало привлекательную улыбку светившихся глазок. Бледное, свежее лицо, глаза и губы серьёзные и взгляд честный и невинный. Голос тихий. Иногда она вдруг остановится, слушает со вниманием, без улыбки, потом задумается и откинёт назад свои волосы. Сознание долга, нравственной ответственности для неё всё.

Вся проникнутая чувством долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким она любила всех и никого в особенности. Она любила Бога, восторженно, робко и нежно. Ко всем она относится искренне, мягко, доброжелательно. По её мнению - счастье к ней не шло. Даже когда у неё были надежды на счастье: с е р д ц е у н е ё в с ё щ е м и л о. По её мнению, счастье зависит не от нас, а от Бога.

Артистка, воплощающая Лизу, с особым проникновением должна передать эту роль. Высоко поэтический образ Лизы, обвеянный дымкой печали, должен быть необычайно нежным и трогательным.

Каждое движение лица, тела, должно быть женственно, мягко и поэтично. Она центр драмы, все её любят: Паншин, Лаврецкий, Лемм, тётушка, мать. Образ её написан акварельными красками. Следует строго следить за моментом входа и ухода со сцены, так как оркестр тогда передаёт её чувства, её настроения. Артистка должна уметь переживать все чувства, все настроения и заражать ими слушателей. Одета по моде 1842 года. Роль ведётся говорком.

Фёдор Иванович Лаврецкий.

Краснощёкое, чисто русское лицо с большим белым лбом, немного толстым носом, и широкими правильными губами. От него так и веяло степным здоровьем, крепкой, долговечной силой. 35 лет. Хорошо сложен, вьющиеся белокурые волосы. В глазах голубых, на выкате, и несколько неподвижных замечалась не то - задумчивость, не то - усталость. С виду груб немного. Мать его была из крестьянского сословия.

Артист воплощающий Лаврецкого передаст его чувства и настроения вполне искренне, задушевно и просто. Как сын народа, его чувства непосредственны, просты, откровенны. Чувства любви, отчаянья у него полны силы, он их не умеет скрывать.

Есть много моментов, когда Лаврецкий ничего не говорит, но все его чувства передаются в его позе, мимике. Звуки оркестра в эти минуты передают чувства его. Эти м е л о м и м и ч е с к и е моменты драмы должны быть оркестром и Лаврецким переданы с особенной рельефностью чувств и настроений.

Артист, передающий роль Лаврецкого, должен сам уметь перечувствовать все движения души Лаврецкого и передать их так, чтобы все слушатели и зрители перечувствовали то же самое. Лаврецкий должен предстать ж и в ы м человеком. Все его недостатки и достоинства выпукло должны предстать зрителю. Артист должен строго следить за моментом входа и ухода со сцены, так как в те минуты оркестр передаёт его чувства, настроения. Одет по Берлинской моде 1842 года. Роль ведётся говорком.

Христофор Фёдорович Лемм.

Больной, от времени одряхлевший, 50 лет.

Небольшого роста, сутуловат, с криво выдавшимися лопатками и втянутым животом, с большими плоскими ступнями, красными руками. Лицо морщинистое, впалые щёки и сжатые губы, которыми он беспрестанно двигал и жевал. Седые волосы висели ключьями над невысоким лбом. Словно угольки, только что залитые, тлели его крошечные, неподвижные глаза. Ступал тяжело, на каждом шагу перекидывая своё неповоротливое тело.

В глубине своей души он любил Лизу, но, конечно, не смел даже взглядом это выразить. Это был глубоко, несчастный, никем не понятый композитор. Среди русских людей 40-х годов он был совершенно одинок. Аристократы, вроде дилетанта-композитора Паншина, сочиняющего свои романсы - "между делом" - относились с полным презрением, или в лучшем случае с благосклонной снисходительностью к "музыкантам". Лемму руки не подавали, и возможно, что и обедал-то он не с Калитиными, а один, у себя.

Глубокое негодование бушевало в душе Лемма, но всё это было скрыто в глубине души. В "песни без слов" Лемм должен вложить всю свою любовь к Лизе, всю печаль своего одиночества - и возможно, что эта песнь души Лемма и побудила Лизу и Лаврецкого к выяснению их чувств.

Артист должен уметь переживать все чувства и настроения и уметь заражать ими слушателей так, чтобы они перечувствовали то же, что и артист.

Роль Лемма крайне богата душевными переживаниями, и опытный и талантливый артист может дать живого человека, живого Лемма. Артист должен строго следить за моментом входа и ухода со сцены, так как оркестр в те минуты передаёт его чувства, его настроения. Одет по немецкой моде 1830 г. Роль ведётся говорком.

Марфа Тимофеевна Пестова.

Черноволосая, быстроглазая, востроносая, маленькая старушка семидесяти лет. Чудачка, нрав независимый. Ходит живо, держится прямо и говорит скоро, внятно, звучным голосом. Носит белый чепец и белую кофту.

Очень любит Лаврецкого и Лизу, недолюбливает Паншина. Искренна в своих чувствах, их высказывает без хитростей, откровенно. В проявлении чувств несдержанна. Любит резать правду прямо в лицо каждому. Артистка должна строго следить за моментом входа и ухода со сцены, так как оркестр в те минуты передаёт её чувства и настроения. Артистка должна уметь переживать все чувства, и уметь заражать ими слушателей.

Мария Дмитриевна Калитина.

Полная блондинка 50 лет. Лицо приятное, несколько пухлое. Чувствительна, сохранила институтские замашки, сентиментальна. Любит вздыхать. Недалёкого ума. Движения плавны и медленны. Паншин ей очень нравится, лучшего жениха она бы не хотела для Лизы. Лаврецкого недолюбливает за его грубость, отсутствие светского лоска. Думает о нём, что он с виду груб немного, тюлень. Встретила Лаврецкую холодно и неискренно. Но когда зашёл разговор о мантильи госпожи Лаврецкой, о модах - лёд растал и "пошла уж музыка не та", обе оживились и вскоре стали чуть ли не приятельницами. Мария Дмитриевна стала на сторону Лаврецкой и осудила Фёдора Ивановича, что он не сумел оценить своей жены. В третьем акте эту перемену настроений надо сильно выделить. Артистка не должна утрировать комизма роли Марии Дмитриевны - повторяю, все лица этой драмы должны быть выявлены живыми лицами. Если есть комическое в ролях Марии Дмитриевны, Геденовского, то оно должно быть передано

звуками оркестра, комизм в оркестре, а не на сцене. Артистка должна строго следить за входом и уходом со сцены, так как оркестр в те минуты передаёт её настроения и чувства. Роль ведётся говорком.

Сергей Петрович Гедеоновский.

Высокого роста, в опрятном сюртуке, коротеньких панталонах, серых замшевых перчатках и двух галстуках - в одном чёрном сверху, другом белом снизу. Всё в нём дышало приличием и пристойностью, начиная с благообразного лица и гладко причёсанных висков, до сапогов без каблуков и без скрипу. Попович. Средних лет. Ходит не торопясь, смиренно.

Артист, которому предстоит сделать живым образ Гедеоновского, примет во внимание, что комизма в нём нет. Эта роль не комическая с внешней стороны. Тут комизм внутренний, душевный - и он будет передан оркестром. Гедеоновский же ни мимикой, ни тембром голоса не должен производить комического впечатления, не должен вызывать смеха своей игрой. Эту роль надо провести очень обдуманно, очень тонко. Утрировка, шарж погубят и его роль, и повредят общей картине, убьют настроение. Смеётся Гедеоновский тонким, подобострастным смехом. Роль ведётся говорком.

Владимир Николаевич Паншин.

28 лет. Чиновник по особым поручениям в министерстве Внутренних дел. Очень недурён собой, развязен, забавен, где нужно почтителен, где можно дерзок. Одет по-английски. Мило поёт, с жаром и увлечением. В душе холоден и хитёр. Никогда не может забыть и вполне увлечься.

Внешний, светский лоск, сдержанность, корректность, хорошие манеры. Одет по моде 1842 года.

Лиза ему нравится, он готов ей сделать предложение, но сильной и глубокой любви к ней он не питает. И вскоре он увлекается Лаврецкой и Лизу забывает. К Лемму презрительно пренебрежителен как к "музыканту". Воспитан во взглядах, что дело - служба, карьера; а искусствами можно заниматься так себе, между делом, от нечего делать. На людей же, посвятивших свою жизнь искусству, Паншины смотрят как на услужающих, как на лакеев, которые должны угождать, доставлять удовольствие, развлекать, забавлять людей дела, людей, которых судьба родила вершителями судьбы народа. Тем не менее артист должен из Паншина сделать живого человека, порой симпатичного, порой достойного сожаления (после отказа Лизы). В третьем акте артист должен уйти со сцены там, где это отмечено, так как дальше оркестр передаёт настроение не его, а Лизы (стр.85). Роль ведётся говорком, романсы поёт с жаром и увлечением.

Варвара Павловна Лаврецкая.

Красивая, молодая. Гибкий стан, покатые плечи, тонкая нежная шея, бледно-розовые руки, лёгкая и как бы усталая походка, голос сладкий, замедленный, ласкающий, грациозно-вакхический (с Паншиным), вкрадчивый, униженный (с Марией Дмитриевной). Существо искушающее и раздражающее в физическом смысле. Без нравственных устоев. Одета в серое платье до верха. Говорит с парижским выговором французские фразы. При входе к Марье Дмитриевне говорит вкрадчивым, униженным, виноватым тоном. Затем её отзыв о муже - тоном лживым. Когда же заговорили о модах, тут она разошлась, оживилась, повеселела; когда же познакомилась с Паншиным, и он ей понравился, то решила его покорить и влюбить в

себя.

Артистка должна вести бойко и живо свою роль и изобразить живую Варвару Павловну. Артистка должна строго следить за моментом входа на сцену, так как оркестр в те минуты передаёт настроения артистки. Артистка должна уметь переживать все чувства и уметь заражать ими слушателей. Одета по парижской моде 1842 года. Роль ведёт говорком. Романс поёт с жаром.

Леночка.

В первом акте она девочка 11 лет, выбегает, слыша пение Паншина, скромно садится и с большим благоговением смотрит, как сам композитор поёт свой романс. После окончания романса разделяет восторг всех присутствующих. Потом с Леммом уходит брать урок музыки. В четвёртом акте ей 19 лет. Красивая девушка. Для жениха приделалась кокетливо. Одета по моде 1850 года. Роль ведётся говорком.

Калитин.

Гвардейский офицер 30 лет. Одет по-домашнему. Роль ведётся говорком.

Катя.

Его жена. Молодая дама 23 лет. Одета по-домашнему. Платье по моде 1850 года.

Петя.

Молодой офицер 23 лет. Жених Леночки. Блондин. Поручик гусарского полка.

Шурочка.

В 3-м акте это девочка, черномазая, вертлявая, лет девяти с огромными глазами и острым носиком. В 4-м акте - девушка 17 лет. Девушка, воспитанная в доме Калитиных.

Лакей.

Благообразный старик во фраке и белых перчатках.

Оркестр.

Музыканты оркестра должны уметь с настроением и чувством, соответствующим надписям над нотами, играть свои партии. Так например, если написано "с о т ч а я н ь е м", надо эти такты исполнять с чувством отчаянья, если написано с л ю б о в ь ю, исполнять с чувством любви и т.д.

Только при этих условиях музыка будет языком чувства, будет заражать слушателей чувствами и настроениями. Если музыкант будет только "и г р а т ь н о т ы", то захвата, передачи чувств не последует, и слушатель ничего не почувствует, останется холодным наблюдателем. А надо так играть, чтобы слушатель сам в душе своей перечувствовал все чувства, все настроения, которые по ходу драмы следуют. Только при этом условии, при игре с чувством, с настроением, можно добиться того, что слушатели будут с о ч у в с т в о в а т ь лицам драмы, поверят в искренность того, что перед ними происходит. Только при этом условии каждый из слушателей будет сам

переживать чувства, будет страдать, любить, надеяться, отчаиваться, ревновать, радоваться, сердиться, удивляться, ужасаться. Исчезнут условности сцены и настанет жизнь, жизненная правда.

Всё это легко будет достигнуто, если артисты сцены и артисты оркестра будут искренним и сильным чувством передавать свои партии и роли.

Оркестр имеет задачу передать чувство того, кто сейчас будет говорить, или того, на кого в данный момент устремлено всё внимание зрителей, кто в данный момент находится в фокусе драмы.

Только при соблюдении всех этих требований музыкально-психологическая драма может стать реальной жизнью, перестанет быть театральным представлением. А именно это и было целью автора этой драмы.

Фортепьяно.

Пьянистка и пьянист, исполняющие фортепьянные пьесы, должны быть хорошими, проникновенными музыкантами, умеющими передавать чувства и настроения звуками фортепьяно. Первую пьесу: *adagio* надо играть так, как могла бы играть её Лиза. Для сей цели пьянистка прочтёт мои указания о характере Лизы. Играть просто, без каких-либо драматических оттенков; не надо забывать, что в первом акте, в семейной картинке, только намечаются взаимоотношения лиц драмы, и на душе у Лизы пока спокойно. Вторую пьесу она играет с некоторой неровностью: она недовольна Паншиным. Аккомпанемент романсов Паншина пьянисту нужно играть с сентиментальностью и дилетантскими бросками звуков и неумелой педализацией. "Песнь без слов" Лемма - пьеса, в которой пьянист передаст чувство безнадежной любви, тоски одиночества, никем не понятого и не оценённого музыканта. Одним словом эта пьеса - звуковой портрет состояния души Лемма. Для чего рекомендую пьянисту прочесть моё описание Лемма. Эту пьесу надо играть с сильным отчаянием, потом мечтательно, и потом снова с чувством начальным.

Ту же пьесу во 2-й картине 4-го акта пьянистке надо играть, не забывая, что её играет не Лемм, а Леночка, молодая девушка. Понятно, что она не может вложить в исполнение те чувства, которые вкладывал Лемм. В 3-м акте пьесу Лаврецкой - пьянистка играет с большой силой, шиком и блеском. В манере играть эту пьесу сказывается натура Лаврецкой: чувственная, любящая блистать, побеждать сердца, властвовать. С тем же огнём исполняется и аккомпанемент к романсу, который поёт Лаврецкая. Аккомпанемент романса, исполняемого Лизой, пьянист исполнит очень музыкально, так как аккомпанирует Лемм. Не надо забывать, что звук фортепьяно того времени был иным.

Режиссура.

Постановка должна быть реальной, жизненной. Посетители спектакля должны поверить, что это сама жизнь, что это живые люди, и перечувствовать все настроения, все чувства.

Калитины купили дом около 1817 года, посему мебель и фортепьяно должны быть того времени. В первом акте, гостиной Калитиной, на стене должен висеть портрет мужа Калитиной: желчный и упрямый господин в мундире губернского прокурора; портреты Александра 1-го и Сперанского; и масляными красками написанная картина в очень широкой золочёной раме, изображающая какую-то высокую гору, озеро волнующееся и на нём лодку. По всему видно, что Калитины любят проводить время в этой комнате. Около окна пядь с начатой вышивкой. Около дивана обвитый плющом трельяж. Прямо - стеклянная дверь на террасу. В окна видны деревья сада. Дверь на террасу

открыта. Две другие двери ведут в соседние комнаты. Весенний день склоняется к вечеру. Описание других актов находится в клавире. В клавире отмечено, в какой момент должен появиться и уйти артист. За этим надо очень внимательно следить, так как оркестр передает настроения входящего и уходящего лица и тут опоздание или преждевременный уход или приход недопустимы.

Необходимо ввести а р о м а т ы. Так, во втором акте пахнет прудом, мокрой землёй, травой, цветущими черёмухой, сиренью, молодыми листьями, лесом.

В комнате Лизы аромат ландышей. На её столике букет ландышей. В четвёртом акте, во второй картине, тот же аромат, что и во втором акте.

Для сего надо предварительно надушить духами сцену.

Во втором и четвёртом актах - вечернее чириканье воробьёв и пение кукушки, доносящееся издалека.

Во втором акте тихий вечер, понемногу озаряемый полнолунием.

Тарантас, в котором приезжает Лаврецкий в 4-м акте, типа того времени. Действие происходит в 1842 г. Костюмы того времени.

Мария Дмитриевна одета несколько молодящейся: ежедневно у них бывает Паншин. Марфа Тимофеевна по-домашнему, Лиза - простенько, в беленьком платьице. Паншин по модному. Меблировка не должна быть роскошной.

Внешность и внутренность дома Калитиных должны быть эпохи первого десятилетия 1800 годов. Впечатление от декорации первого акта, от гостиной Калитиных, должна быть у ю т н о с т ь. Впечатление от декорации второго акта - и н т и м н о с т ь. Поэзия подобных запущенных парков, поросшего водорослями пруда, располагает к задушевному, интимным разговорам. Декорация второй картины четвёртого акта должна дышать э л е г и е й.

Музыкальная психография.

В музыкально-психографической драме музыка является только средством вызывать в слушателях чувства и настроения. Самостоятельного значения эта музыка может и не иметь. Понятие о красоте мелодий и гармоний отпадает - ибо в драме хорошо всякое сочетание звуков, которое способно вызвать требуемое чувство (хотя бы звуки и не были красивы и благозвучны), и нехорошо всякое сочетание звуков, которое не может вызвать необходимого чувства (хотя бы с внешней стороны эти звуки и были бы красивы, и благозвучны, и приятны). В этой з в у к о п и с и нет места лишним звукам, посему каждая нота должна быть озвучена с соответствующим чувством исполнителя. Нужно играть ноты и петь с чувством, и только тогда эти звуки приобретут силу г и п н о з а. В общем, цель всей драмы: заставить слушателя забыть, что он в театре видит п р е д с т а в л е н и е, слушает музыкантов и певцов, играющих роли и партии; заставить поверить в жизненную правду всего того, что он слышит и видит; заставить перечувствовать все настроения, все чувства всех лиц драмы. Короче говоря, при посредстве звуков должен произойти п о л н ы й г и п н о з. Этими же задачами я задавался и в предшествовавших музыкально-психографических драмах: Ёлка, Тэа, Бездна, Альфа и Омега, Женщина с кинжалом, Нарцис, и Арахнэ. Текст повести Тургенева "Дворянское гнездо" я старался переложить в драму душевных переживаний, в драму чувств и настроений.

Вся трудность постановки этих драм заключается в том, чтобы найти исполнителей, как вокальных, так и оркестровых, которые умели бы голосом или инструментом, передавать требуемое чувство или настроение. Нужна новая школа, которая учила бы артистов не только красиво давать звуки, но и п е р е ж и в а т ь ч у в с т в а и настроения, но и заражать ими слушателей, дабы последние чувствовали то, что хочет артист и автор.

Все партии надо исполнять т о н о в ы м г о в о р о м, почти естественным разговором.

Надо не выпевать ноты, а почти говорить. Понятно, романсы Лизы, Паншина и Лаврецкой надо петь. Главное, надо проникнуться ролью, вжиться в неё, дабы она была уже не ролью, а живым воплощением.

Как исполнять драму.

Все роли этой драмы надо исполнять т о н о в ы м г о в о р о м, а н е п е н и е м, кроме романсов Паншина, "Фиалки" Лизы, и браурного романса Лаврецкой "Блажен, кто без тебя". Причём надо исполнять романсы Лизы и Паншина по-любительски (они не учились петь), что же касается до исполнения Лаврецкой своего романса, то она поёт артистически, видно, что брала уроки в Париже у хорошего профессора пения.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Одна сцена

Гостиная дома Калитиных.

Прямо стеклянная дверь, ведущая на террасу и в сад.

Направо и налево две двери, ведущие в соседние комнаты.

На диване сидит Марья Дмитриевна, рядом на кресле Геденовский. Марья Дмитриевна раскладывает пасьянс. Лиза играет на фортепиано.

Облокотясь на него, Паншин слушает музыку и смотрит на Лизу.

По одну сторону дивана стоит высокий, густой трельяж, увитый непроницаемой сеткой зелёного плюща.

Весна. Вечер.

ПАНШИН Что это вы играли?

ЛИЗА Это сочинение Лемма.

ПАНШИН Вещица миленькая!

(Смотрит в ноты.)

Даже вам посвящена!

(насмешливо)

И трогательная надпись.

(Читает надпись на нотах и потом смеётся.)

"Сочинено и посвящено девице Елизавете Калитиной, моей любезной ученице её учителем Х.Т.Г.Леммом."

А внизу "для вас одних! Für Sie allein."

(Паншин небрежно кидает ноты Лемма. Лиза покраснела, спрятала ноты и отошла от фортепьяно. Паншин не заметил смущения Лизы.)

Кстати, вчера я написал новый романс, слова тоже мои; ещё не знаю, что из этого вышло. Хотите, я вам спою?

Я желаю знать ваше мнение.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Ах, как интересно! Пожалуйста!

ПАНШИН Слушаюсь.

(С какой-то светлой и сладкой улыбкой садится за фортепиано и, аккомпанируя себе, поёт романс.)

Романс.

Вбегают Леночка, девочка лет одиннадцати, садится на стул у фортепиано и с благоговением слушает Панишина.

ПАНИШИН

(поёт, чётко отделяя слова)

Луна плывёт высоко над землею
Меж бледных туч, меж бледных туч;
Но движет с вышины волной морскою
Волшебный луч, волшебный луч.
(с особенным выражением и силой)
Моей души тебя признало море
Своей луной, своей луной,
И движется и в радости, и в горе
Тобой одной, тобой одной.
Тоской любви, тоской людских стремлений
Душа полна, душа полна;
Мне тяжело,
(Тут Панишин вздохнул, взглянув на Лизу)
но ты чужда смятений,
Как та луна, как та луна.

ЛИЗА (скромно)

Очень красивый мотив.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (с восхищением)

Прелестно!

ГЕДЕОНОВСКИЙ (хладнокровно)

Восхитительно! и поэзия, и гармония одинаково
восхитительны.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Спойте ещё что-нибудь.

*Входит Лемм, медленно и угрюмо, неловко останавливается
посреди комнаты и со всеми раскланивается.*

ПАНИШИН (быстро вскочил со стула)

Ах! Христофор Фёдорович!
Здравствуйте. Я не знал, что вы здесь.
Я бы при вас ни за что не решился спеть свой романс;
я знаю, вы не охотник до лёгкой музыки.

ЛЕММ (угрюмо)

Я не слушил.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Вы, мосьё Лемм, хотите дать урок музыки Лизе?

ЛЕММ Нет, Елене Михайловне.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Ну, что ж! Прекрасно.
Леночка, ступай наверх с мосьё Леммом.

ПАНШИН (с лёгкой усмешкой, пренебрежительно)

Мне только что играли вашу пьесу,
(подчёркивая с усмешкой)

посвящённую Елизавете Михайловне.

Прекрасная вещь.

Вы, пожалуйста, не думайте, что я не умею ценить
серьёзную музыку, напротив:

она иногда бывает скучна, но очень пользительна.

(Лемм покраснел, бросил взгляд, полный укора, на Лизу и тихо пошёл к двери направо.)

(Леночка и Лемм ушли.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Пожалуйста, повторите ваш романс.

ПАНШИН Нет, я не желаю оскорблять слух учёного немца.

(обращаясь к Лизе)

Лучше вы сыграйте что-нибудь.

(Лиза с укоризной взглянула на Паншина и подошла к фортепиано.)

ЛИЗА Хорошо.

(Лиза играет на фортепиано.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (Гедеоновскому)

Нет ли чего новенького?

ГЕДЕОНОВСКИЙ Как не быть! Да вот есть новость: Лаврецкий приехал.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Неужели? Видели вы его?

ГЕДЕОНОВСКИЙ Видел-с, весел-с.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА А не слышали, где его жена теперь?

ГЕДЕОНОВСКИЙ В Париже была.

(Марья Дмитриевна подымается с дивана и направляется к двери, ведущей на террасу, за ней следом идёт Гедеоновский.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Это ужасно, право, Федино положение!

Как он переносит!

ГЕДЕОНОВСКИЙ Да-с, ведь она, говорят, и с артистами, и с пьянистами,
и, как там по-ихнему, со львами и со зверями знакомство
вела; стыд потеряла.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Жаль! ведь он мне внучатый племянник.

Придёт он к нам? Как вы думаете?

(Марья Дмитриевна и Гедеоновский уходят на террасу. Заметив их уход Лиза прерывает игру на фортепиано.)

ПАНШИН Что с вами?

(Глаза Лизы, устремлённые на Паншина, выражали неудовольствие, губы не улыбались, всё лицо было строго, почти печально.)

ЛИЗА Зачем вы говорили Лемму о посвящении?

Зачем вы его дразнили?

ПАНШИН Виноват, к слову пришлось.

ЛИЗА Вы его огорчили,
и меня тоже.
Лемм бедный, одинокий, убитый человек,
и вам его не жаль?

ПАНШИН (смутился)
Вы правы, всему виной моя необдуманность,
по её милости я прослыл за эгоиста.
Вот и в вашем доме,
(задушевно, мягко и мило)
матушка ваша ко мне благоволит,
она такая добрая.
(Едва заметная улыбка скользнула по его губам.)
Ну, а вы? считаете ль меня за эгоиста?

ЛИЗА Я вас ещё мало знаю,
но я вас не считаю за эгоиста;
я, напротив, должна быть благодарна вам.

ПАНШИН Знаю, что вы хотите сказать:
за ноты, за книги, которые я вам приношу.
Смею думать, что вы не скучаете со мной!
и что вы не считаега меня за дурного человека.
(с увлеченьем)
Вы знаете, кто меня привлекает сюда.
Вы знаете, зачем я беспрестанно езжу в ваш дом.
(Паншин взял за руку Лизу. Лиза, слегка приподняв брови и краснея, глядела на пол, но не отнимала своей руки.)
К чему слова,
когда и так всё ясно.

(Входит Лакей)

ЛАКЕЙ Господин Лаврецкий приехали.

Входит Лаврецкий.

ЛАВРЕЦКИЙ (подходя к Лизе)
Вы меня не узнаете? А я вас узнал.
Даром, что уже восемь лет минуло с тех пор,
как я вас видел в последний раз.
Вы были тогда ещё ребёнок.
Я Лаврецкий.
Матушка ваша дома? можно её видеть?

ЛИЗА Матушка будет очень рада.

ЛАВРЕЦКИЙ Вас, кажется, зовут Елизаветой?

ЛИЗА Да.

ЛАВРЕЦКИЙ Я помню вас хорошо;
у вас уже тогда было лицо, которого не забываешь.

*Из террасы поспешно входят Марья Дмитриевна, за ней
Гедеоновский.*

- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (слезливым, растянутым голосом)
Здравствуйте, здравствуйте, мой милый cousin.
Как я рада вас видеть!
- ЛАВРЕЦКИЙ (дружелюбно пожал её руку)
Здравствуйте, моя добрая кузина,
как Бог вас милует?
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Садитесь, дорогой Фёдор Иванович.
Ах, как я рада!
Позвольте вам представить дочь мою Лизу.
- ЛАВРЕЦКИЙ Я уже представился.
(Марья Дмитриевна знакомит Лаврецкого с Паншиным и Гедеоновским.)
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Мёсьё Паншин. Сергей Петрович Гедеоновский.
Да садитесь же.
Гляжу я на вас, и право, глазам не верю.
(Гедеоновский уселся в уголке, внимательно моргая и с детским любопытством вытянув губы, старается всё подметить, всё запомнить.)
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (мечтательно)
Сколько времени мы не видались!
Вы откуда теперь? Где вы оставили...
(Смутилась и торопливо продолжала.)
То есть я хотела сказать...
хотела сказать, надолго ли вы к нам?
- ЛАВРЕЦКИЙ Я приехал из Берлина,
и отправляюсь в деревню, вероятно, надолго.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Вы, конечно, в Лавриках будете жить?
- ЛАВРЕЦКИЙ Нет, я в другую деревушку еду.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Помилуйте, Фёдор Иванович!
У вас в Лавриках такой чудесный дом!
- ЛАВРЕЦКИЙ (чуть-чуть нахмурил брови)
Да, но и в этой деревушке есть флигелёк;
а мне пока больше ничего не надо.
(Марья Дмитриевна до того смешалась, что даже выпрямилась и руки развела,
но всё время жалостливо глядела на Лаврецкого, значительно вздыхала и уныло
покачивала головой.)
Это место для меня теперь самое удобное.

*Марфа Тимофеевна проворно вошла, и Лаврецкий не успел ещё
подняться со стула, как она уж обняла его.*

- МАРФА ТИМОФЕЕВНА А ведь это Федя! Федя!
Э, да какой же ты славный!
Постарел, а не подурнел.
Да что руки целуешь!
Ты меня самоё целуй!

(Паншин подходит к Гедеоновскому, говорит с ним, и оба уходят в соседнюю комнату.)

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Ты умница, что приехал.
(к Марье Дмитриевне)
А что, мать моя, угостили ли его чем-нибудь?
ЛАВРЕЦКИЙ Мне ничего не надо.
МАРФА ТИМОФЕЕВНА Как же не надо; да постой, я сама пойду, похлопочу.
(Марфа Тимофеевна уходит поспешно.)

Справа входит Лемм. Лемм издали кланяется Лаврецкому и хочет уйти. Лиза идёт поспешно ему навстречу и говорит с ним около дверей террасы.

(Лаврецкий и Марья Дмитриевна тихо разговаривают.)

ЛИЗА (Лемму)
Простите меня, я сыграла Паншину вашу пьесу.
Я была уверена, что он её оценит.
ЛЕММ Это ничего.
Но он не может понимать, как вы этого не видите!
(с презрением)
Он дилетант.
(задушевно)
Но я не сержусь, эта пьеса и я, мы старые дураки.
Мне немного стыдно, но это ничего.
ЛИЗА (умоляюще смотрит на Лемма)
Простите меня.
ЛЕММ Ничего. Ничего.
Вы добрая девушка. Вы очень добрая девушка.
(Лиза ласково взглянула на Лемма.)

(Лемм и Лиза уходят на террасу. Их видно через стеклянную дверь. Они разговаривают.)

ЛАВРЕЦКИЙ Скажите, пожалуйста, что это за господин Паншин?
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Он чиновник по особым поручениям при министерстве.
Un charmant garçon!
Я вам скажу по секрету, mon cher cousin:
он просто без ума от моей Лизы.
Что ж, он хорошей фамилии, служит прекрасно, умён,
Камер-Юнкер!
(набожно)
И если будет на то Божья воля,
я с своей стороны буду очень рада.
А Лиза, как вам она понравилась?

ЛАВРЕЦКИЙ (с увлечением)
Лизавета Михайловна, прекрасная девушка!

Лемм и Лиза входят из террасы в гостиную.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Она играет недурно и даже поёт.
Лиза, спой Фёдор Ивановичу что-нибудь.

(Лемм и Лиза идут к фортепиано. Лиза, замечая, что Лемм будет ей аккомпанировать, благодарно смотрит на него. Лемм садится за фортепиано. Лиза стоит возле него.)

*Услыхав звуки музыки, Панишин и Гедеоновский осторожно
выходят из соседней комнаты.*

Лиза

Не прекрасна ли фиалка,
Не прельщает ли собой,

*Слыша пение Лизы, Марфа Тимофеевна вошла в гостиную, за ней
прибежала Леночка.*

Лиза

Не амброзией ли дышит
Утром, расцветя весной.
То алеет, то краснеет
Сей цветочек в красный день,
Сладкий дух свой изливает,
Кроясь в травке под кустом.
Что же с нежною фиалкой,
Что же будет, наконец,
Ах, несчастная томится,
Сохнет и увянет вдруг.

Занавес медленно опускается.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Одна сцена

Уголок сада. Пруд. Под ивой скамейка. Красный камыш у берега.

Сад зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной. Громадные старые липы. Водяные лилии у берега. Вдали проплыл лебедь.

На маленьком плоту стоит Лиза с удочкой. На Лизе белое платье, перехваченное вокруг пояса белой лентой. Соломенная шляпа висит у ней на одной руке. Лаврецкий сидит на наклонённом стволе ракиты.

Птицы чирикают перед закатом. Вечер. Сад полон ароматом черёмухи, сирени, воды пруда и сырой земли. Вдали слышна кукушка.

ЛАВРЕЦКИЙ Я много размышлял о вас,
и нахожу, что вы очень добры,
и что все должны любить вас.
(Лаврецкий замечает, что удочку Лизы рыба клюнула.)
Смотрите, у вас клюёт.

(Лиза выдёргивает удочку.)

Говорят: Паншин написал милый романс.

ЛИЗА Да это безделушка, но недурная.

ЛАВРЕЦКИЙ А как по-вашему, хороший ли он музыкант?

ЛИЗА У него большие способности,
но он не занимался как следует.

ЛАВРЕЦКИЙ (говорком)

Так!

А человек он хороший?

(Лиза засмеялась и быстро взглянула на Лаврецкого.)

ЛИЗА Что за странный вопрос.

(Лиза вытащила удочку и далеко закинула её снова.)

У Паншина доброе сердце.

Мамап его очень любит.

ЛАВРЕЦКИЙ А вы его любите?

ЛИЗА Он хороший человек,
Отчего же мне его не любить.

(Полупечальное, полунасмешливое выражение промелькнуло на лице Лаврецкого.)

ЛАВРЕЦКИЙ (пробормотал как будто про себя)

А! Ну и дай бог им счастья.

- Лиза (покраснела)
Вы ошибаетесь. Вы напрасно думаете.
А разве он вам не нравится?
- ЛАВРЕЦКИЙ Не нравится.
- Лиза Отчего же?
- ЛАВРЕЦКИЙ Мне кажется, что сердца-то у него и нет.
- Лиза Вы привыкли строго судить людей.
- ЛАВРЕЦКИЙ Я не думаю.
Какое право имею я
строго судить других,
когда я сам нуждаюсь в снисхождении.
Или вы забыли, что надо мной только ленивый не смеётся.
(другим тоном)
А что,
сдержали вы своё обещание?
- Лиза Какое?
- ЛАВРЕЦКИЙ Помолились вы за меня?
- Лиза Да, я за вас молилась,
и молюсь каждый день.
А вы, пожалуйста,
не говорите легко об этом.
- ЛАВРЕЦКИЙ Уверяю вас,
мне это и в голову не приходит.
Я глубоко уважаю всякие убеждения.
Велико значение христианства в истории человечества.
- Лиза (заговорила не без некоторого усилия)
Христианином нужно быть не для того, чтоб познавать
небесное,
а для того, что каждый должен умереть.
- ЛАВРЕЦКИЙ (с невольным уважением взглянул на Лизу и встретил её взгляд)
Какое вы промолвили слово.
- Лиза Это слово не моё.
- ЛАВРЕЦКИЙ Не ваше?
Но почему тогда вы говорите о смерти.
- Лиза Не знаю.
Я часто о ней думаю.
- ЛАВРЕЦКИЙ Часто?
- Лиза Да.
- ЛАВРЕЦКИЙ Этого не скажешь, глядя на вас теперь,
у вас такое весёлое, светлое лицо.
Вы улыбаетесь.
- Лиза (наивно)
Да, мне очень весело теперь.

(Пронёсся лёгкий ветерок, зашевелились листья, рябью покрылась поверхность пруда. Лиза задумалась. Лаврецкий молча любит Лизой. К Лизе подплыл лебедь. Лиза дала ему хлеба. Издали слышна кукушка.)

ЛАВРЕЦКИЙ Как мило вы стоите над прудом.

(Лаврецкий сорвал ветку сирени и подал Лизе, та с улыбкой кивнула головой и взяла сирень. В выси неба стая жаворонков пронеслась с пением. Ветерок стих.)

ЛИЗА Давно я хотела сказать вам что-то,
но я боюсь вас рассердить.

ЛАВРЕЦКИЙ Не бойтесь, говорите.

ЛИЗА Вы такие добрые,
но как могли вы,
отчего вы расстались с вашей женой?

ЛАВРЕЦКИЙ Не прикасайтесь к этой ране.
Руки у вас нежные, а всё-таки мне будет больно.

ЛИЗА Я знаю, она пред вами виновата,
но вы должны простить,
если хотите, чтоб и вас простили.
Зачем же вы женились на ней?

ЛАВРЕЦКИЙ Я был тогда молод и неопытен,
увлёкся красивой внешностью,
но теперь всё кончено:
я получил известие, что она умерла.

ЛИЗА Это ужасно,
но может быть, это ещё неправда.

ЛАВРЕЦКИЙ Может быть.
Потому и прошу вас никому не говорить об этом.

ЛИЗА Вы не огорчены?
нисколько?

ЛАВРЕЦКИЙ Я сам не знаю, что я чувствую.

ЛИЗА Но ведь вы её любили прежде?

ЛАВРЕЦКИЙ Любил.

ЛИЗА Очень?

ЛАВРЕЦКИЙ Да, очень.

ЛИЗА И не огорчены её смертью?

ЛАВРЕЦКИЙ Она не теперь для меня умерла.
По крайней мере, я теперь свободен.

ЛИЗА На что вам ваша свобода?

ЛАВРЕЦКИЙ Да, вы правы. Что мне делать с своей свободой?

ЛИЗА Когда вы узнали об этом?

ЛАВРЕЦКИЙ Вчера.

ЛИЗА И неужели вы не заплакали?

- ЛАВРЕЦКИЙ Я был поражён.
Плакать о прошлом? но оно всё выжжено.
Проступок её не разрушил моего счастья,
а доказал только, что счастья никогда не бывало.
Впрочем, я был бы больше огорчён,
если б получил известие раньше двумя неделями.
- ЛИЗА Что ж случилось в эти две недели?
(Лаврецкий с восторгом смотрит на Лизу, та покраснела и отвернулась.)
- ЛАВРЕЦКИЙ Да, вы угадали.
За это время я узнал, что значит чистая женская душа.
Я встретил вас.
И моё прошедшее ещё больше от меня отодвинулось.
Я доволен, что не скрыл от вас,
и надеюсь, что и вы оплатите мне таким же доверием.
- ЛИЗА Хорошо.
Я получила сегодня письмо.
- ЛАВРЕЦКИЙ От Паншина?
- ЛИЗА Да.
- ЛАВРЕЦКИЙ Он просит вашей руки?
(Лиза прямо и серьёзно посмотрела Лаврецкому в глаза.)
- ЛИЗА Да.
(Лаврецкий тоже серьёзно посмотрел на Лизу.)
- ЛАВРЕЦКИЙ Ну и что же вы ему ответили?
- ЛИЗА (опустила сложенные руки)
Я не знаю, что ответить.
- ЛАВРЕЦКИЙ Я хочу знать, любите ли вы его
тем сильным, страстным чувством,
которое мы привыкли называть любовью.
- ЛИЗА Как вы понимаете? Нет.
Да разве это нужно?
Я против него ничего не имею, он добрый.
- ЛАВРЕЦКИЙ (голос его задрожал от большого волнения.)
Однако вы колеблетесь.
Прошу вас, не решайте тотчас.
Подумайте: брак без любви не даст вам счастья.
(Лаврецкий схватил Лизу за обе руки. Лиза побледнела и почти с испугом, но
внимательно глядела на него.)
Поверьте мне, от нас зависит счастье.
Умоляю, без любви не выходите замуж.
Не решайтесь тотчас, не спешите,
подумайте о том, что я вам сказал. Умоляю вас.
- ЛИЗА (пониженным голосом, с волнением)
Счастье! Счастье не зависит от нас!
(Издали слышны звуки фортепиано. Лемм играет у себя в комнате.)
- ЛАВРЕЦКИЙ Кто это играет?

ЛИЗА Это Лемм.

ЛАВРЕЦКИЙ Любите ли вы музыку?

ЛИЗА Да, очень, она уносит далеко, далеко.

(Лиза и Лаврецкий слушают музыку)

Как много печали в душе Лемма.

Бедный, одинокий старик.

(Лемм продолжает играть.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (голос издали)

Лиза! Пора домой.

ЛИЗА Пора, до свиданья.

ЛАВРЕЦКИЙ До свиданья. Я завтра приеду. До свиданья.

(Лиза уходит. Лаврецкий взглядом полным нежности следит за уходящей Лизой. Он идёт вслед за ней, опёрся рукой о ствол дерева и смотрит вслед ей. В задумчивости Лаврецкий садится на скамейку близ плакучей ивы. Наступает вечер. Солнце заходит.)

К Лаврецкому подходит Лемм.

ЛЕММ Добрый вечер! Господин Лаврецкий!

Наслаждаетесь вечерним воздухом?

ЛАВРЕЦКИЙ Что вы играли сейчас?

ЛЕММ Это: "Песня без слов".

О, как хотел бы я передать то, чем полна моя душа.

О, если б я ещё мог что-нибудь сделать,

но я лишился сил моих.

Я б желал хороших, добрых слов. Хотя б таких:

вы, звёзды, чистые звёзды,

вы взираете одинаково на правых и виновных,

но одни невинные сердцем,

вас понимают, вас любят.

Что-нибудь в этом роде. Впрочем, я не поэт.

Но что-нибудь в этом роде,

что-нибудь высокое,

что-нибудь нежное:

и вы звёзды, вы знаете, кто любит,

кто умеет любить,

потому что вы чистые.

Вы одни можете утешить...

Нет, это всё не то.

Я не поэт.

ЛАВРЕЦКИЙ (задумчиво, про себя)

Чистая девушка, чистые звёзды.

ЛЕММ Сегодня я сочинял.

ЛАВРЕЦКИЙ Вам придётся сочинять кантату.

ЛЕММ По какому случаю?

ЛАВРЕЦКИЙ По случаю бракосочетания господина Паншина с Лизой.

Вы заметили, как он за нею ухаживает?

ЛЕММ (сильно взволнован)

Этого никогда не будет.

ЛАВРЕЦКИЙ Почему не будет?

ЛЕММ (с жаром, рассказывая маленькими шагами взад и вперёд)

Елизавета Михайловна девица

с возвышенными чувствами, а он

(с презрением)

дилетант.

Тоже! Композитор!

Пишет романсы, и всё второй номер, лёгкий товар,
спешная работа. Это нравится, и он нравится,

и сам он этим доволен. Ну, и браво!

Она его не любит,

(очень сердечно и нежно)

то есть она очень чиста сердцем

и не знает сама, что значит любовь.

Она может любить только прекрасное.

А он не прекрасен, то есть душа его не прекрасна.

(Лаврецкий улыбнулся и, хлопнув Лемма по плечу, сказал добродушно и весело:)

ЛАВРЕЦКИЙ Дражайший маэстро, мне сдаётся, что вы сами влюблены в мою кухню.

ЛЕММ Пожалуйста, не шутите так со мной. Я не безумец:
я в могилу гляжу, не в розовую будущность.

ЛАВРЕЦКИЙ (извиняется)

Вы меня не поняли. Я пошутил.

(Лемм уходит. За ним идёт Лаврецкий. Возшла луна и озарила сад и пруд. Лёгкий ветерок покрыл рябью поверхность воды.)

Медленно Лиза подходит к пруду и садится на скамейку.

Проводив Лемма, Лаврецкий ворочается и замечает Лизу.

ЛИЗА (очень тихо, задумчиво, не замечая Лаврецкого)

Лаврецкий!

(шёпотом)

Лаврецкий!

(Лаврецкий услышал шёпот Лизы.)

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза!

ЛИЗА (с удивлением)

Это вы? Это вы? вы здесь?...

ЛАВРЕЦКИЙ

(сильно взволнованным говором)

Выслушайте меня,
я думал о вас,
я хотел вам много сказать,
я люблю вас,

(Лиза хотела подняться со скамейки, не могла и закрыла лицо руками.)

я люблю вас, я готов отдать всю жизнь вам,
я люблю вас, я люблю вас, Лиза.

Мы будем счастливы.

Любите ли вы меня, Лиза!

(Лаврецкий склонился к ногам Лизы.)

Я люблю вас, я всю жизнь мою отдам вам.

(Плечи Лизы начали слегка вздрагивать, пальцы крепче прижались к лицу.)

(прошептал и коснулся коленей Лизы)

Что с вами, неужели вы меня любите?

Лиза

(шёпотом)

Что мы делаем с вами!
мне страшно! что это мы делаем?

(Лаврецкий встал с колен и сел рядом с Лизой, она уже не плакала и внимательно глядела на него своими влажными глазами.)

ЛАВРЕЦКИЙ Я люблю вас. Мы будем счастливы. Любите ли вы меня?

(Лиза опустила глаза. Он тихо привлёк её к себе, и голова её упала к нему на плечо. Он отклонил немного свою голову и коснулся её бледных губ.)

Занавес медленно опускается.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Одна сцена

Гостиная Калитиных. Лиза делает из сирени букет. Рядом с ней Паншин.

*Через окно видны цветущие яблони и сирень.
Яркий солнечный день.*

ПАНШИН Вы знаете, для кого я езжу в ваш дом!
Вы наверное догадались, кто привлекает меня.
Нужно ли говорить?
Я люблю вас, люблю вас.
Давно люблю, и прошу мне сделать честь
и стать моей супругой.
Могу ли надеяться на ваше согласие?

ЛИЗА (застенчиво)
Я... не могу быть вашей женой.

(Паншин огорчён.)

ПАНШИН (вежливым, но изменённым голосом)
Последнее ли это ваше слово?
Не подал ли я чем-нибудь повода к подобной перемене
мысли?

(Лиза стояла молча, опустив глаза.)

Я не хотел идти по проторённой дороге.
Я хотел найти подругу по влечению сердца.
Но, видно, этому не должно быть.
Прощай, мечта.

(Паншин прижал руку к глазам, коротко и отрывисто вздохнул, глубоко поклонился Лизе и ушёл.)

(Лиза мечтает о Лаврецком, в цветах сирени она ищет "счастье" и находит его.)

ЛИЗА (шёпотом)
Милый, милый, я люблю тебя, люблю.

*Входит Марфа Тимофеевна, крайне взволнованная, лицо её было
бледно, глаза блистали, руки дрожали.*

МАРФА ТИМОФЕЕВНА (трепетным и прерывистым шёпотом)

А, вот ты где, сударыня.
Прекрасно, прекрасно, сударыня!
У кого только выучилась!

ЛИЗА Успокойтесь, тётушка; что с вами?
Ведь вы сами не жаловали Паншина.

- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Какой тут Паншин? К чему тут Паншин?
Ты лучше скажи мне,
кто тебя научил свиданья по ночам назначать?
Ты, пожалуйста, не вздумай отговариваться.
Шурочка сама всё видела и мне сказала.
- ЛИЗА Я не думаю отговариваться.
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА А! Так вот как!
Ты свиданье ему назначила?
- ЛИЗА Нет.
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Как же так?
- ЛИЗА Я сидела у пруда... Он подошёл...
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Да ты любишь его, что ли?
- ЛИЗА (шёпотом)
Я люблю его.
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Матушки мои! Она его любит!
Женатого человека любит.
- ЛИЗА Он мне сказывал, что жена его скончалась.
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Царство ей небесное! Пустая была бабёнка,
не тем будь помянута!
Так вот как!
Вдовый он, стало быть.
Да он, я вижу, на все руки.
Одну жену уморил,
да и за другую.
Каков тихоня?
Только вот что скажу тебе, племянница:
в наши времена, как я молода была,
девкам за такие проделки больно доставалось.
(ворчит)
Но этого я ему никогда не прощу.
(другим тоном)
А что ты Паншина с носом отослала, за это ты молодец;
только не сиди ты по ночам с мужчинами;
не сокрушай ты меня, старуху!
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА (уходит, тихо ворча про себя)
Вдовый!
- (Лиза заплакала. Горько ей стало на душе, не заслужила она такого униженья. Стыдно и горько было ей.)
- ЛИЗА (про себя, шёпотом)
За что! За что!
(Но ни сомненья, ни страха в душе Лизы не было, и Лаврецкий стал ей ещё дороже.)
О милый, люблю тебя.

Лиза не заметила, как к ней подошла её мать.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (уже издали начинает свои упрёки)
За что ты меня убила?
Кого тебе ещё нужно?
Чем он тебе не муж?
Камер-юнкер!
Он в Петербурге на любой фрейлине мог бы жениться.
А я-то надеялась!
И давно ли ты к нему изменилась?
Откуда эта туча надута?
Не сама собой пришла.
Уж не тот ли фофан?
Вот нашла советчика!
А он-то голубчик, как он почтителен,
в самой печали как внимателен.
Ах, я этого не перенесу!
Неблагодарная! Неблагодарная!
Ты убьёшь меня, если не одумаешься.

Входит Лакей и докладывает:

ЛАКЕЙ Госпожа Лаврецкая приехала.
(Лиза, поражённая, поспешно уходит.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (Лакею)
Проси.
(Марья Дмитриевна садится в кресло. Лакей уходит.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (обращаясь к Лизе, не замечая, что та уже ушла)
Что ж, она ведь тоже родная.

Варвара Павловна быстро и чуть слышными шагами подходит, не давая встать Марье Дмитриевне, почти склонила перед ней колена.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА (тронутым и тихим голосом)
Благодарствуйте, тётушка.
Я не надеялась на ваше снисхождение.
(Варвара Павловна взяла руку Марьи Дмитриевны и подобострастно хочет её поцеловать.)
Вы добры, как ангел.

(Марья Дмитриевна смутилась, отняла руку и поцеловала Варвару Павловну в лоб; Варвара Павловна вся сомлела под этим поцелуем.)

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Здравствуйте! Bonjour. Конечно, я не воображала.
Впрочем, я, конечно, рада вас видеть.
Вы понимаете, милая моя,
не мне быть судьёй между женой и мужем.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА (с печальным, виноватым видом)
Мой муж во всём прав,
я одна виновата.

- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Это очень похвальные чувства.
Давно ль вы приехали? Вы видали его?
Да сядьте, пожалуйста.
(Варвара Павловна смиренно садится на стул.)
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА Я вчера приехала,
и видела Фёдор Ивановича,
говорила с ним.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Ну и что же он?
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (печальным тоном)
Я боялась, что мой внезапный приезд возбудит его гнев,
но он не лишил меня своего присутствия.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА То есть он не...
Да... да, я понимаю.
Он только с виду груб немного,
а сердцем мягкий.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (печальным тоном)
Он не простил меня,
но он был так добр,
что назначил мне Лаврики местом жительства.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Прекрасное имение.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (печальным тоном)
Я завтра же еду туда
в исполнение его воли;
но я почла долгом прежде побывать у вас.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (любезным тоном)
Очень вам благодарна, моя милая.
Родни никогда не следует забывать.
А знаете ли,
Я удивляюсь, как вы хорошо говорите по-русски.
C'est étonnant!
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (вздыхнула, печальным тоном)
Я слишком долго пробыла за границей,
я это знаю; но сердце у меня всегда было русское,
и я не забывала своего отечества.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Так, так; ... это лучше всего:
la patrie avant tout!
Ах, покажите, пожалуйста,
что это за прелестная мантилья у вас?
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (проворно спустила мантилью с плеч и подала Марье Дмитриевне)
Она вам нравится? Она очень простенькая, от madam
Baudran.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Это сейчас видно, с каким вкусом!
Я уверена, что вы множество вещей с собой привезли.
Я бы хоть посмотрела.

- ВАРВАРА ПАВЛОВНА К вашим услугам весь мой туалет, любезнейшая тётушка.
Если позволите, я могу показать камеристке вашей.
Со мною служанка из Парижа, прекрасная швея.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Вы очень добры, но, право, мне совестно.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА Совестно! Хотите вы меня осчастливить?
Распоряжайтесь мной, как вашей собственностью.
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Vous êtes charmante.
Да что же вы не снимете вашу шляпу, перчатки.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (в умилении сложила руки ладонями вместе)
Как! Вы позволяете?
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Разумеется! Ведь вы обедаете с нами, я надеюсь.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (поднесла платок к глазам)
Oh, ma tante! Как вы добры!

Подходит Гедеоновский, улыбаясь и отвешивая поклоны.

- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Позвольте вам представить: Сергей Петрович Гедеоновский.
(Гедеоновский сконфузился.)
Я слышала, моя милая,
что вы удивительная виртуозка.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА Я давно не играла.
(немедленно идёт к фортепиано)
Прикажете?
- (Варвара Павловна с большой силой и техникой играет на фортепиано. Через некоторое время, сообразив, что такая музыка не идёт к её положению, Лаврецкая печально поникла и прекратила игру.)
- ГЕДЕОНОВСКИЙ Сильфида!
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Поразительно!
Необыкновенно, Варвара Павловна.
Удивили вы меня. Вам бы хоть концерты давать!
Я вас познакомлю с одним молодым человеком,
он артист в душе, и сочиняет премило.
Он один может вас оценить!
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА Молодой человек? Кто он такой? Бедный какой-нибудь?
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Помилуйте! Первый кавалер у нас,
да не только у нас, но и à Petersburg.
Камер юнкер, будущий министр.
- ВАРВАРА ПАВЛОВНА (замедленным голосом)
И молодой?
- МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Двадцати восьми лет. Самой счастливой наружности.
Un jeune homme accompli.
- ГЕДЕОНОВСКИЙ Образцовый, можно сказать, юноша.

Входит Панишин.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Да вот и он.
Позвольте вам представить, мосье Паншин.
(Паншин отступил на шаг и поклонился вежливо с оттенком изящества и уважения.)

Варвара Павловна только что играла,
замечательная виртуозка.

ПАНИШИН (учтиво наклонил голову и сказал дипломатическим тоном)

Я был в этом заранее уверен.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА (прищурила свои глаза и сказала вполголоса)

Да ведь вы тоже артист.

(прибавила ещё тише и качнула головой в сторону фортепиано)

Venez.

(Слово "Venez" мгновенно изменило наружность Панишина: озабоченная осанка исчезла, он улыбнулся, оживился, расстегнул фрак и направился к фортепиано.)

ПАНИШИН Какой я артист! Увы!

Вот вы, я слышал, артистка истинная.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Заставьте его романс спеть.

ВАРВАРА ПАВЛОВНА (спросила, озарив его светлым и быстрым взглядом)

Вы поёте?

ПАНИШИН (сел за фортепиано, оттянул воротнички и кашлянул)

Я не в голосе сегодня.

Романс

(Паншин поёт, аккомпанируя себе и придавая мелодраматическое дрожание своему голосу. Лаврецкая обошла вокруг фортепиано и стала прямо напротив Панишина, пристально глядя на него и держа свои руки в уровень своих губ; с весёлым вниманием слушала она, и тонкие ноздри её слегка трепетали.)

Когда я был любим,
в восторгах, в наслажденьи,
Как сон пленительный
вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт,
где счастья привиденье.
Ах, счастием моим любовь твоя была.
Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалою твоей жила.
Но я тобой забыт,
погиб мой дар мгновенный,
Ах, гением моим любовь твоя была.
Когда я был любим, дары благоденья
В обитель нищеты рука моя несла,
Но я тобой забыт,
нет в сердце состраданья,
Ах, благостью моей любовь твоя была!

ВАРВАРА ПАВЛОВНА (с спокойной уверенностью знатока)
Charmant, charmante idée.
Скажите, вы написали что-нибудь для женского голоса:
для сопрано?
ПАНШИН Я почти ничего не пишу,
я ведь только так, между делом.
А вы разве поёте?
ВАРВАРА ПАВЛОВНА Пою.
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Пожалуйста, спойте что-нибудь.

(Варвара Павловна отвела волосы от заалевших щёк, встряхнула головой и села за фортепиано. С большой страстью и увлечением поёт романс, поглядывая кокетливо на Паншина.)

Романс

ВАРВАРА ПАВЛОВНА

Блажен, кто без тебя тобой одним пылает,
Кто прелестью речей твоих обворожён,
Кого твой ищет взор, улыбка восхищает,
С богами он сравнён, с богами он сравнён.

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Необыкновенно.
ПАНШИН Дивный голос.
ГЕДЕОНОВСКИЙ Сильфида.
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (Гедеоновскому)
Какая душа.
ГЕДЕОНОВСКИЙ (неожиданно зевнул и едва успел прикрыть рот рукой)
Любезная особа.
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА (Гедеоновскому)
Какой же однако Фёдор Иванович,
не умел такую женщину понять.

Входит Лакей.

ЛАКЕЙ Чай подан.
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА Прошу вас чай пить.
(Все направляются к двери, ведущей на террасу. Марья Дмитриевна идёт посреди Варвары Павловны и Паншина. За ними идёт Гедеоновский. Все ушли через террасу в сад.)

Слева входят Лемм и Лаврецкий.

ЛАВРЕЦКИЙ Возьмётесь ли вы доставить записку Лизавете Михайловне?
ЛЕММ Хорошо.
ЛАВРЕЦКИЙ Моя жена вернулась.
ЛЕММ О! Когда?
ЛАВРЕЦКИЙ Вчера.
Ведь я прочёл в газете, что она умерла!
ЛЕММ О! И она вчера вернулась?

ЛАВРЕЦКИЙ Да!
Я несчастный человек.

ЛЕММ Да, вы несчастный человек.

ЛАВРЕЦКИЙ Я хотел вторично счастье в жизни изведать!
Я позабыл, что и то роскошь, незаслуженная милость,
когда оно хоть раз посетит человека.
Оно не было полным.
Оно было ложным.
Да предъяви же право на полное, истинное счастье.
Оглянись!
Кто вокруг тебя блаженствует, кто наслаждается?
Кто счастлив?
Что вы скажете?

ЛЕММ Что я скажу! Всё умерло, и мы... умерли.

(шёпотом)

Прощайте.

(Лемм уходит.)

(Лаврецкий остался один. Полный отчаянья он ходит по комнате. Потом садится на стул.)

ЛАВРЕЦКИЙ Счастья нет у меня.

*Марфа Тимофеевна тихо вошла, видит состояние души
Лаврецкого и незаметно подходит к нему. Вошедшая с ней
Шурочка осталась у двери.*

МАРФА ТИМОФЕЕВНА (положила руку на плечо Лаврецкого, сидящего в мрачном раздумьи)

Ну, что ж, что же делать?
Она приехала. Ну, надо как-нибудь...
Лиза... Лиза не совсем здорова.
Шурочка, пойді спроси Лизавету Михайловну,
куда, мол, она мою книгу дела.

ЛАВРЕЦКИЙ (Поднял голову и взглянул на Марфу Тимофеевну.)

Я жену посылаю в Лаврики.

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Денег спрашивала?

ЛАВРЕЦКИЙ Нет ещё.

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Ну, это не задержится.

Сейчас Лиза придёт.

(говорком)

Федя!

ЛАВРЕЦКИЙ Что, тётушка?

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Ты честный человек?

ЛАВРЕЦКИЙ Как?

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Я спрашиваю тебя, честный ли ты человек?

ЛАВРЕЦКИЙ Извольте, но к чему это?

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Уж я знаю, к чему;
да и ты, как подумаешь хорошенько,
сам поймёшь, к чему я это спрашиваю.
А слово сказанное... помни.

Вошла Лиза и остановилась у двери. Лаврецкий встал и поклонился ей.

МАРФА ТИМОФЕЕВНА (хлопотливо)
Лиза! Куда ты мою книжку положила?

ЛИЗА Позвольте, я поищу.

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Я и сама могу найти.
Должно быть у меня в спальне.

(Марфа Тимофеевна уходит, бросив исподлобья взгляд на Лаврецкого. Лиза прислонилась к спинке кресла и тихо занесла себе руки на лицо.)

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза!
(говором)

Лиза!
Вот как мы должны были увидеться.

ЛИЗА (глухо произнося)
Да, скоро мы были наказаны.

ЛАВРЕЦКИЙ Наказаны? Наказаны!
За что же вы были наказаны?

(Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклее. Лицо было бледно; слегка раскрытые губы тоже побледнели.)

ЛИЗА Всё надо забыть.
Я рада, что вы пришли.
Я хотела вам написать...
Только надо скорее пользоваться этими минутами.
Нам обоим остаётся исполнить наш долг.
Вы должны примириться с женой.

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза!

ЛИЗА Я вас прошу об этом.
Только этим можно загладить... всё, что было...
Вы не откажете мне?

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза! Вы требуете невозможного.
Я готов сделать всё, что вы прикажете,
но теперь примириться с ней!
Я согласен на всё, я всё забыл,
но не могу же я заставить своё сердце!
Помилуйте! Это жестоко.

ЛИЗА Я не требую от вас того, что вы говорите.
Не живите с ней, если вы не можете.

(Лиза занесла руку на глаза)

Но примиритесь с ней.
Сделайте это для меня.

ЛАВРЕЦКИЙ (проговорил сквозь зубы)
Хорошо, я это сделаю; этим я исполню мой долг.
Ну, а вы? В чём же ваш долг состоит?

ЛИЗА Про то я знаю.

ЛАВРЕЦКИЙ (вдруг встрепенулся)
Уж не собираетесь ли замуж за Паншина?

ЛИЗА (чуть заметно улыбнулась)
О, нет!

ЛАВРЕЦКИЙ Ах! Лиза, Лиза! Как бы мы могли быть счастливы!

ЛИЗА (опять взглянула на Лаврецкого)
Теперь вы сами видите, что счастье зависит не от нас,
а от Бога.

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза!
Мы расстаёмся навсегда!
Лиза!
Дайте руку на прощанье.

(Лиза подняла голову. Её усталый, почти погасший взор остановился на нём, и она отвела назад уже протянутую руку.)

ЛИЗА Нет, Лаврецкий, не дам я вам моей руки. К чему?
Отойдите! Прошу вас, прошу.
Вы знаете: я вас люблю.
Да, я люблю вас.
Но нет... нет...

(Лиза поднесла платок к своим губам.)

ЛАВРЕЦКИЙ Дайте мне, по крайней мере, этот платок.

ЛИЗА Я хотела вас просить:
не ходите больше к нам.
Уезжайте скорей.
Вы услышите может быть...
Но что бы ни было: забудьте меня,
не забывайте меня!

ЛАВРЕЦКИЙ Лиза, мне вас забыть.

ЛИЗА Довольно, прощайте!
(шёпотом)
Прощайте!

(Платок Лизы падает на пол.)

(Быстро уходит. Лаврецкий в полном отчаяньи.)

ЛАВРЕЦКИЙ (шёпотом)
Всё кончено.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Картина первая

Небольшая комнатка, чистая, светлая, с белой кроватью, с горшками цветов по углам и перед окнами, с маленьким письменным столом, горкой книг и распятием на стене. На столе букет ландышей. В комнате стоит аромат ландышей.

Лиза за столом перевязывает письма ленточками, не спеша, с какой-то умилённой и тихой заботливостью на лице.

(Достала альбом из стола. Лиза берёт ветку сирени из альбома, сирень, подаренная ей Лаврецким в тот вечер. Лиза целует сирень. Лиза вспомнила свою печальную судьбу.)

Лиза (шёпотом)

Всё надо забыть.

(Лиза плачет.)

(Лиза опустилась на колени перед распятием, положила голову на стиснутые руки и осталась неподвижна.)

Марфа Тимофеевна вошла. Лиза не заметила её прихода.

(Марфа Тимофеевна вышла на цыпочках за дверь.)

(За дверью Марфа Тимофеевна кашлянула. Лиза, услышав кашель Марфы Тимофеевны, поднялась с колен и отёрла глаза, на которых стояли свежие, непроливишиеся слёзы.)

Входит Марфа Тимофеевна.

МАРФА ТИМОФЕЕВНА А ты, я вижу, опять прибирала свою келёйку.

Лиза (задумчиво посмотрела на тётушку)

Какое вы это произнесли слово!

МАРФА ТИМОФЕЕВНА (с живостью)

Какое слово, какое? Что ты хочешь сказать?

(Марфа Тимофеевна садится на кровать Лизы.)

Это сверх сил моих,

четвёртый день сегодня, как я словно в котле киплю.

Я не могу больше притворяться, что ничего не замечаю,

не могу видеть, как ты плачешь, бледнеешь, сохнешь,

не могу, не могу.

Лиза Да что с вами, тётушка? я ничего...

МАРФА ТИМОФЕЕВНА Ничего? Это ты другим говори! Ничего!

А кто сейчас стоял на коленях?

у кого ресницы ещё мокрые от слёз?

Ничего!

Да ты посмотри, что ты сделала со своим лицом,

куда глаза девала?

Ничего! Разве я не всё знаю?

- ЛИЗА Это пройдёт, тётушка; дайте срок!
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Пройдёт, да когда?
Неужели ты так полюбила его?
Да ведь старик он, Лизочка!
Ну, я не спорю, он хороший человек;
да ведь что ж такое?
все мы хорошие люди.
- ЛИЗА Я вам говорю, всё это пройдёт,
всё это уже прошло.
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Слушай, Лизочка, что я тебе скажу!
Это тебе только сгоряча кажется,
что горю твоему пособить нельзя.
Ты только потерпи.
- ЛИЗА Оно уже прошло.
Всё пройдет,
(С внезапным одушевлением Лиза бросилась на шею тётушке.)
если только вы захотите помочь мне.
Милая тётушка, будьте другом мне,
помогите мне... не сердитесь, поймите меня...
поймите меня:
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Да что такое? Не пугай меня, пожалуйста.
Говори скорее, что такое?
- ЛИЗА Я... я хочу... я хочу... идти в монастырь.
(Марфа Тимофеевна так и подпрыгнула на кровати.)
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Опомнись, опомнись, Лизочка. Что ты! Бог с тобой.
- ЛИЗА Нет, тетушка,
(Лиза подняла голову, щеки ее пылали)
не говорите так.
Я решилась, я молилась, я просила совета у бога...
Всё кончено. Кончена моя жизнь с вами.
Такой урок не даром.
Уж я не в первый раз об этом думаю.
Счастье ко мне не шло!
Даже когда у меня были надежды на счастье,
сердце у меня всё щемило.
Жаль мне вас, жаль мамаша, Леночки.
Но делать нечего, чувствую, что мне не житьё здесь.
Я уже со всем простилась,
всему в доме поклонилась в последний раз.
Не удерживайте меня.
(Марфа Тимофеевна с ужасом слушала речь Лизы.)
- МАРФА ТИМОФЕЕВНА Ты не знаешь, голубушка, какая жизнь там,
ведь ты её не вынесешь.
Дай мне по крайней мере умереть спокойно,
(Марфа Тимофеевна горько заплакала.)
а там делай что хочешь.

ЛИЗА Не плачьте, тётушка, не плачьте!

(Марфа Тимофеевна горько плакала, Лиза утешала её, отирала её слезы и сама плакала.)

Занавес.

Картина вторая

Сад перед домом Калитиных. Дом одноэтажный с мезонином и колоннами; терраса ведёт в сад. Дверь из террасы ведёт в гостиную, из которой доносятся звуки вальса, исполняемого на фортепиано.

С левой стороны дома забор, ворота и калитка.

Весенний вечер. Цветут жасмин, черёмуха и сирень. Чирикают птицы.

Пахнет травой, цветами, прудом, влажной землёй.

Из дома доносятся весёлые звуки фортепиано. Слышен смех и говор молодёжи.

Между первой и второй картиной четвёртого акта прошло восемь лет.

К воротам подъезжает загрязнённый тарантас, и человек вылез из него и остановился в изумлении. То был Лаврецкий.

Лаврецкий стоит некоторое время неподвижно, окидывает дом внимательным взором и входит через калитку в сад.

Лаврецкий осматривается вокруг, слышит звуки вальса, смех танцующей молодёжи.

(Лаврецкий поднимается по ступеням террасы.)

Калитин выходит на террасу и видит Лаврецкого. За Калитиным выходит Леночка.

КАЛИТИН Что вам угодно?

ЛАВРЕЦКИЙ Я Лаврецкий.

(Леночка и Калитин радостно вскрикивают.)

КАЛИТИН А! Фёдор Иванович!

Из дома выбегают молодые люди, игра на фортепиано прекращается.

- ЛЕНОЧКА Фёдор Иванович!
Ещё немного, и я бы вас узнала.
(представляет всех)
Вот Коля, вот Шура, вот Катя, вот Петя, наш пианист.
Присядьте, пожалуйста. А давно мы вас не видали.
И Варвару Павловну тоже мы не видали.
- КАЛИТИН (поспешно прерывая сестру)
Ещё бы, тебя я в Петербург увёз,
а Фёдор Иванович всё жил в деревне.
- ЛЕНОЧКА Да ведь с тех пор и мамаша скончалась,
и Марфа Тимофеевна,
и Лемм.
- ЛАВРЕЦКИЙ Как? И Лемм умер?
- КАЛИТИН Да, он уехал отсюда в Одессу,
говорят, кто-то его сманил; там он и скончался.
- ЛАВРЕЦКИЙ Вы не знаете, музыки после него не осталось?
- ЛЕНОЧКА (показывая на дом)
Там есть одна страница.
- ЛАВРЕЦКИЙ Пожалуйста, сыграйте.
(печально, с горькой улыбкой)
Только одна страница!
(Леночка ушла в дом.)
(Из дома доносится игра на фортепиано. Леночка играет сочинение Лемма.)
- ЛАВРЕЦКИЙ Боже! Что слышу!
(задумчиво, про себя)
В какие минуты я слышал эти звуки!
Что мне напомнили они!
- ЛАВРЕЦКИЙ (к Леночке, вернувшейся с нотами обратно)
Благодарю вас.
- КАЛИТИН А Гедеоновский жив и врёт по-прежнему.
Вчера, вообразите, эта егоза ему перца в табакерку насыпала.
- ЛЕНОЧКА Как он чихал.
(Общий хохот.)
- КАЛИТИН Мы о Лизе недавно имели вести.
- ЛАВРЕЦКИЙ (не без усилия)
Она всё в той же обители?
- КАЛИТИН Всё в той же.
- ЛАВРЕЦКИЙ Она к вам пишет.
- ЛЕНОЧКА Нет, никогда; к нам чрез людей вести доходят.
(Все задумались и замолкли.)

- КАЛИТИН Не хотите ли в сад? Он очень хорош теперь,
(Все уходят вглубь сцены.)
хотя мы его и запустили немножко.
- ЛАВРЕЦКИЙ Как выросли липы. Все кусты поднялись.
Малинник в силу вошёл. Орешник заглох.
Как пахнет сиренью, лесом, травой.
(увидел пруд и скамейку)
Скамейка у пруда!
Она почернела!
- ЛЕНОЧКА (показывая вдаль)
Вот там хорошо сыграть в четыре угла, нас, кстати, пятеро.
- КАЛИТИН А Фёдора Ивановича ты забыла?
- ЛЕНОЧКА (слегка покраснела)
Да разве Фёдор Иванович может, в его лета?
- ЛАВРЕЦКИЙ Пожалуйста, играйте, не обращайтесь внимания на меня.
Мне самому будет приятней,
когда я буду знать, что я вас не стесняю.
А занимать меня вам нечего.
У нашего брата, старика, есть занятие,
которого вы ещё не ведаете
и которого никакое развлечение заменить не может:
воспоминанья.

(Молодые люди выслушали Лаврецкого с приветливой и чуть-чуть насмешливой почтительностью, (точно им учитель урок прочел) и вдруг посыпали от него все прочь. Лаврецкий остался один, сел на скамейку.)

- ЛАВРЕЦКИЙ Лиза!
Чистая девушка,
ты меня сюда привела.
Коснись меня,
коснись моей души!
Лиза!
Ты б воодушевила меня на честный строгий труд!
И мы оба пошли б к прекрасной цели вперёд, вперёд.
В руках своих держал возможность счастья на всю жизнь.
Тебя любил всем сердцем.
Вдруг всё исчезло.
И я сжёг всё, чему поклонялся,
поклонился всему, что сжигал.

С хохотом пробегают Леночка и Коля, их ловит Шурочка. Они играют в игры. Пробежали и скрылись.

ЛАВРЕЦКИЙ Игратьте, веселитесь, растите, молодые силы:
жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить:
вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу,
бороться, падать и вставать среди мрака.
Вам надобно дело делать, работать,
и благословение нашего брата, старика, будет с вами.
А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений,
остается отдать вам последний поклон
и, хотя с печалью, но без зависти,
без всяких тёмных чувств, сказать, в виду конца,
в виду ожидающего Бога:
Здравствуй, одинокая старость!
Догорай, бесполезная жизнь.

(Лаврецкий уходит. Издали слышен смех и возгласы молодёжи. Весело чирикают птицы перед закатом солнца.)

Занавес.

Конец оперы.

У К А З А Т Е Л Ъ

Действующие лица.....	3	Одна сцена.....	19
От автора. Указания для исполнителей.....	4	Действие третье.....	26
Действие первое.....	12	Одна сцена.....	26
Одна сцена.....	12	Действие четвёртое.....	36
Действие второе.....	19	Картина первая.....	36
		Картина вторая.....	38